

ВОПЛОЩЕНИЕ ГАРМОНИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

УДК: 72.01
ББК: 85.110

Веслополова Галина Николаевна

кандидат архитектуры, профессор,
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
Пенза, Россия, e-mail: galina.veslopolova@yandex.ru

Аннотация

Воплощая порядок, являясь гарантом надежности создаваемых структур, архитектор до недавнего времени опирался на антропоморфный принцип подобия, наиболее ярко воплощенный им в ордере. Этот фундаментальный, незыблемый в веках императив профессии сегодня подвергается сомнению.

Внетектонические, внеордерные начала жизни, иной формат человеческого бытия и самого человека – очевидные приметы современности. Возможности изменения пола и внешнего облика, а также новые формы репродуктивной деятельности изменяют его личностный и физиологический профиль. Налицо несовместимость антропоморфных метаморфоз с традиционными нормами миропорядка, расшатывающими его тектонические устои. Пропорционирование как архитектурный и универсальный закон организации также теряет позиции. И божественная пропорция, исканиями которой мир был озадачен со времен сотворения, становится достоянием истории.

Ключевые слова

Принцип подобия, архитектурный ордер, греческая античная ордерная традиция, канонический ордер, тектоническая структура

«Мир архитектурен, ибо он некоторым образом устроен» [1, с. 28], в нем царит вселенская гармония порядка, первопричина которого, неподвластная пытливому человеческому рациональному осмыслению, отдаваемая им на откуп высшему космическому вселенскому логосу, становится очевидной, убедительной и ясной, когда «рукотворность» мира приписывают Создателю. Земная ойкумена в общем мировом порядке организовано упорядочена не только воплощением божественного Промысла, но и включением человеческого рукотворного вмешательства в этот глобальный процесс по преобразованию природной стихии. Земля осваивалась и обустривалась усилиями Архитектора с тех незапамятных доисторических времен, когда потребовались особые условия в организованных, надежных социальных и материальных формах выживания и проживания человека и его сообществ. Эта потребность, воплощаясь в конкретные, упорядоченные структуры, со времени сформировала в человеке качество, позволившее ему подняться на недостижимый интеллектуальный уровень по сравнению с остальным «тварным» миром. Это качество – предвидение.

Промысел-провидение-предвидение – рядоположенность этих значений очевидна. Человеку, созданному «по образу и подобию» Создателя, передана божественная частица его великой творческой созидательной силы. «Архитектор ... осознает Природу, погружен в Культуру и в качестве Демиурга замышляет и воплощает пространство» [1, с. 29]. Предвидение, снятое в «замышлении», воплощается в рукотворном человеческом акте созидания, перебрасывает мосты между миром идей и проявленным, «оформленным», обитаемым миром. Оно как один из глубинных механизмов высшей разумной творческой деятельности, предваряющее появление нового, видимого и осязаемого, позволило человеку создавать параллельный природе мир посредством развившейся у него прогностической мыследеятельности, отсутствующей у других представителей биологического вида. Маголи Надь писал, что «познание пространства – это не привилегия одаренных людей, а биологическая функция» [4, с. 53].

На разных этапах развития «замышление», индуцированное в конкретное действие, приобретало ту или иную форму проектного моделирования. Как таковое моделирование в своей

Бог – архитектор вселенной. Французская книга миниатюр Середина XIII века

исходной исторической позиции – зодческое по своей сути. В первородных архаических истоках оно единым узлом «связало» все виды творческой человеческой активности [7, 16]. Источник подобного феноменального атактистического единства до сих пор не исчерпан в архитектурной профессии. Именно это единство явилось одним из важнейших оснований признания архитектуры колыбелью многих видов художеств и ремесел, на разных этапах истории выделявшихся из общего универсума. Не случайно многие мыслители Возрождения, в том числе и Альберти, «обращались к архитектуре как к системе, позволяющей после многократных проникновений в другие области человеческих знаний, отыскать ключ к единству различных явлений...» [13, с. 22].

«Архитектору мы обязаны не только тем, что дал нам надежное и желанное прибежище от солнечного зноя, стужи и снега, – писал Альберти, – столько тем, что он применял многие изобретения, весьма полезные в частном и общественном отношениях» [2, с. 6]. «Архитектура, – много позже напишет

А.К. Буров, – включала в себя все знания, которыми владело человечество, все понимание окружающего мира, а архитектор был строителем, художником, философом. Он был вооружен всем тем, что давали эти знания, – от пифагоровской космогонии, архитектоники космоса до Демокритова учения об атомах. ...Архитектурой называли строительство городов и акрополей, и кораблей, и храмов, и театров, и жилищ и крепостей, и боевых машин (катапульты, тараны и т.п.), и мостов, и каналов, и поров, и складов. И искусство и техника обозначались одним и тем же словом «технос». «Технос» – это вся механика, как теоретическая, так и практическая, и гидравлика, и сопротивление материалов, и скульптура, и живопись, и математика, и теория музыки... В своем многовековом развитии архитектура шаг за шагом теряла часть своих владений» [6, с. 463]. Отторгаемые «владения», обособляясь, приобретая самостоятельность и укрепляясь в направлении определенной трудовой активности, с течением времени оформлялись в профессионально ориентированные сообщества – гильдии, цехи боттеги и т. д.

Тысячелетний исторический опыт созидательной зодческой активности ассимилировался и встраивался в геном каждого отдельного человека, в родовую память поколений, а также в управленческие структуры социокультурных сообществ. Не случайно слово «архитектор» прочно укоренилось в современном лексиконе чиновников организационно-управленческой государственной сферы. Природа также наделила умением организовывать пространство проживания представителей животного мира, заложив в них рефлекторную память воспроизводства стандартных действий в типовых ситуативных обстоятельствах, но не предоставила им возможность преобразовывать окружение.

«Замышляя и воплощая» порядок, являясь при этом гарантом надежности, устойчивости и равновесия создаваемых структур и форм, Архитектор вплоть до недавнего времени опирался на антропоморфный принцип подобия. Ослабевающий, теряющий свои позиции в сфере архитектуры, антропоморфный императив с успехом ретранслировался в дизайн, прочно укоренился и именно там набирает силу. «Это парадоксально, но как только какой-нибудь элемент

«выделится» из архитектуры в самостоятельную научную или техническую дисциплину, – эта выделившаяся дисциплина достигает высокого развития. Примером могут служить корабли и кораблестроение», – писал А.К. Буров, размышляя об исторических судьбах архитектурной профессии [17, с.129]. Современные глобальные изменения, происходящие в мире, со всей очевидностью отражает архитектура последних десятилетий, пытаясь найти новые основания стабильности и порядка. Каковыми могут быть эти основания? Возможен ли этот новый порядок и нужен ли он в мире людей, лишившемся стабильности как таковой в мире меняющемся, не успевающим осмысливать происходящее в ускоряющемся темпе своих изменений?

Кажущаяся незыблемость фундаментальных антропоморфных основ архитектуры на протяжении веков весьма относительна. Медленно, но не неуклонно менялись его формы и сущностные характеристики вслед за социальными, общественными и производственными трансформациями, о чем свидетельствует история. Не случайно, что наиболее ярко и адекватно антропоморфный принцип воплотился в архитектурном ордере. И именно через ордер достаточно хорошо просматривается линия его исторической судьбы, как, впрочем, и многие значимые события, происходившие в мире архитектуры. Ордер являлся центром особого рассмотрения всех древнейших трактатов и последующих фундаментальных трудов по архитектуре вплоть до начала прошлого столетия [3]. К нему с неменьшим пристрастием было приковано внимание на протяжении прошедшего века, перекочевавшее в век нынешний [1, 3, 6, 10, 11, 14, 15, 18].

Ордер – неоспоримое достояние цивилизации. Он, как и архитектурная деятельность, аккумулировал в себе единство множества составляющих, поэтому его энергетический потенциал настолько силен и уплотнен, что позволяет вот уже на протяжении столетий рассматривать его и в качестве культурного образца, и в качестве символа, и метафорического иносказания, и, наконец, как понятие – не только профессиональное, но и философское. Как культурный образец он воплощает непреходящую художественную и научную ценность – свидетельство человеческой гениальности. Он также – удачный образец реализации опыта исканий универсальных законов гармонии, красоты и совершенства, а также путей единения противоположных начал. Подобная поливалентность предоставляла возможности многостороннего его использования: то в качестве теоретического руководства, то – сугубо прагматически – как прикладного инструментария, и в не меньшей мере как идеала в стремлении воссоздать гармонию и порядок. Греческие архитекторы воплотили эти мечты в конкретный, осязаемый, видимый архитектурный порядок, обессмертив свой ордер невозможностью прямого буквального повторения без потери каких-либо его достоинств. По этой причине вне Эллады он смог «выжить» только в идеальном пространстве, в форме культурологического архетипа – образца гармонии и организующего начала, позволяя в реальном жизненном пространстве воплощаться в многочисленные копии и подражания. Важную роль он сыграл в развитии театральной сценографии, а также в живописи, где использование ордерных форм усиливало мотивацию художников к поиску новых средств изображения пространства, а впоследствии – к формированию научных основ перспективы [3, 11, 12].

Как символ, ордер олицетворял собой начала активности, стойкости и достоинства. Светоносный и демократичный, он настойчив в демонстрации своей силы, напряженности и пространственного вертикализма. В зримых, «вещных», осязаемых формах в ордере воплощена идея главенствования организующего начала над неопределенностью как одного из возможных путей «проявления» мира посредством структуризации и упорядочивания, идея победы естественной рациональной мужественности и активности над женственной неоднозначностью, победы порядка над хаосом.

Порядок априори тектоничен. В отличие от хаоса, он неизменно проявляется в конкретных устойчивых структурах и формах. Идея главенствования организующего начала выражается также в стремлении «овеществить» пространство духовной ценностной акватории общественного сознания, одним из важнейших векторов которого является самоорганизация. Самоорганизация, менее улавливаемая жестким рациональным пониманием, скорее более ощущаемая внутренним «слухом», – резонансная настройка организма (системы) на окружение. Она – не что иное, как

заложенный в истоках потенциальный способ выживания за счет создания порядка, а также последующего развития на основе преодоления собственного несовершенства, общественного и личного, через стремление к гармонии и красоте. Существенные изменения антропоморфизм претерпевает в античном Риме. Его центр смещается с идеализированного образцового человека-героя, представителя демократического полиса, в сторону человека империи, с четко выраженной сословной иерархической поведенческой доминантой. Многоярусные ордерные композиции римских построек символически ее отражают. Антропоморфизм римской архитектуры и культуры в целом переориентирован на имперскую масштабность, амбициозную и воинствующую. В средние века античный антропоморфизм окончательно размывается в теоцентризме.

С течением времени ордер как вполне конкретный профессиональный способ организации пространства и формы и конструирования тектонических качеств выходит за границы архитектурного профессионального цеха, попадает в фокус научно-исследовательского и общественного публичного интереса. О первичности прикладной ориентации ордера свидетельствует трактат Витрувия, хотя автор и предпринимает некоторые обобщения прошлого опыта и выводит собственное ордерное правило. Однако изначально его правило получило сугубо прагматичный ориентир – служить конкретным руководством к производству строительных работ, являясь универсальной линейкой мер и пропорциональных отношений. Позднее мастерами Возрождения Алберти, Скамоцци, Палладио, Виньола, а позднее Микеланджело и другими художниками и архитекторами, исследовавшими и пропустившими античное наследие через горнило своих творческих исканий и страстей, ордер персонифицируется, превращаясь в авторские личностные программы. Трепетность, жизнерадостная полнокровность и своеволие греческих ордеров, вымеренных циркулем и линейкой архитекторами Возрождения, разложенных ими на множество отдельных элементов, воссоединились на бумаге волею и прихотью зодчих новых времен в красивые, геометрически правильные, логические выверенные шаблоны. Миру были представлены многочисленные авторские доктрины, так называемые образцовые канонические ордерные системы, благодаря которым их создатели пытались предъявить обществу свое понимание красоты и порядка. Образец должен был стать фиксатором вечно ускользающей гармонии в попытке ее материального воплощения и одновременно способом ее воспроизведения, а также подтверждением мастерства и одаренности их создателя. Именно канонический – «вымышленный» ордер начинает выступать с этого времени в качестве идеального образца миропорядка и организующего начала. Эти опыты, сопряженные с попытками постичь секреты красоты, способствовали усилению культа и мифологизации ордерного порядка, возвели его на пьедестал непреходящего культурологического догмата, некогда бывшего достоянием «живого» профессионального опыта.

В античной Греции для обозначения порядка чаще всего подразумевалась симметрия наряду с терминами «*kosmos*» и «*taxis*», соединенных Витрувием единым «*ordo*» [4]. Греки гениально облекли «платоническую» идею в конкретные материальные ордерные покровы. Составляющие этого единого покрова – тектоника, декор, соразмерность, композиция, порядок, симметрия, – объединенные общей идеей гармонии, не мыслились один без другого, что не давало основания их исследовать, сравнивать, выявлять доминанты и приоритеты. Фундаментальные исследования первоисточников И.А. Азизян, И.А. Добричиной, Г.С. Лебедевой по вопросам онтологии архитектуры показывают понятийную и терминологическую неясность, зыбкость и размытость определений [1, 10], что, в свою очередь, подтверждает абсолютную непресекаемость для греков закона цельности и единения. Именно потеря ордером тектонических качеств, его «разъем» и гибридные комбинации с другими конструктивными системами, послужили импульсом исследований и началом формирования терминологического «поля» архитектурной науки.

Если греки в создании архитектурных форм ориентировались на космический Божественный порядок, то эллинофилы уже опирались на Божественный ордер, созданный предшественниками, т. е. человеком. В дальнейшем культ «отраженной» – замещенной – красоты усиливается. Человек в соперничестве с Богом претендует на роль творца и управителя сущего.

Все последующие научные, общественные доктрины и течения внесли свою лепту в укрепление культа человеческого начала.

Стремление любой общественной и видовой природной биологической единицы к упорядочиванию – естественная потребность, обеспечивающая выживание и воспроизводство в условиях земного существования. Гравитационная составляющая не могла не способствовать формированию «тектонического» качественного наполнения этого упорядочивания. Так, симметрия как одно из мощнейших природных и рукотворных инструментов регулирования является важнейшим условием устойчивости и баланса. И в этом смысле она тектонически опосредована. Тектонически организован и человек, и социум: ни мышление, ни общественная коллективная разумность вне рамок тектонической опосредованности существовать и функционировать не могут. И. Кант считал, что человеческий разум «по природе своей архитектурен» [9, с. 297].

Человек, завоевав вертикальное положение в пространстве, активизировав и энергетически наполнив свою векторную составляющую созидательным действием, испытал силу земного притяжения, приковавшую его к плоти земли, но в вынужденном природном послушании был счастливо обречен устремить свой взор к небу и космосу, и при этом ощутить в себе неистребимую потребность к неповиновению. Он, по определению, изначально был мотивирован на формирование и созидание тектонического миропорядка среды собственного обитания, сформировавшего в конечном счете основной «стержень» его мышления – ордерный. Одновременно, понуждаемый поиском форм и структур этого порядка, он стимулировал свою познавательную и созидательную – зодческую активность, которая приводила к научным открытиям и техническим изобретениям, расширявшим диапазон его влияния на природу и на созданный им же порядок. Реализация тектонически ориентированных установок на стабильность и равновесие приводила к устройству устойчивых и надежных во времени и пространстве структур и форм жизни. Развитие же науки и техники в зависимости от различных обстоятельств могло либо укреплять эту устойчивость, либо модернизировать ее основы, либо их опровергать и предлагать новые. Это повторялось с определенной периодичностью, которая сама по себе несла элементы порядка и соразмерности в логике и последовательности этого процесса. Ордерные структуры, по определению не располагающие активами к радикальным трансформациям, с эпохи Возрождения и особенно в XIX веке стали подвергаться переосмыслению и критике, а сама организующая деятельность в самом широком и глобальном ее понимании, требующая значительных временных затрат, перестала успевать за техническими и технологическими новациями новых времен.

Реальное ускорение пространственного перемещения человека, фактическая доступность любой точки социума, информационная мобильность не могли не повлиять на изменение его мироощущения и, соответственно, на его психофизиологический профиль. Стабильность, тектоничность, упорядоченность, иерархия, инерция, гравитация до недавнего времени создавали устойчивый «каркас» мира. Пропорционирование при этом использовалось как способ удерживать в целостности организм (систему) и как средство стабилизации и равновесия, тектоничность же выступала в качестве основы устойчивости и надежности этого равновесия. Вне этого режима традиционное общество не могло себя воспроизводить. Великие мировые империи и государства, равно как и малые социальные группы – первобытные племена и общины – создавались по этому принципу и разрушались, когда ослабевали или нарушались базовые составляющие порядка.

Сегодня явно просматриваются внетектонические, внеордерные начала жизни, иной формат человеческого бытия и самого человека как физической, так нравственной и социальной единицы. Очевидны неоспоримые и необратимые приметы современности – активное вмешательство в физиологию человека, открывшее возможности изменения его пола и внешнего облика, а также возможности новых форм репродуктивной деятельности. В результате развития искусственного интеллекта очевиден также отрыв человека от реальности и социума за счет вживания в структуру виртуального пространства. Ослабла его привязка к конкретному месту жизни, к традиционным, устоявшимся в веках ценностям.

Принцип антропоморфизма изживает себя, так как уже нет целостного, «устойчивого» человека в традиционном его понимании, есть человек действия-движения, да еще с изменяемыми психофизиологическими, антропоморфными параметрами. Поэтому пропорционирование как архитектурный и универсальный закон организации бытия также теряет позиции. И божественная пропорция, исканиями которой мир был озадачен со времен сотворения, становится достоянием истории.

Антропоморфизм как составляющая миропонимания возник на таком этапе цивилизации, когда человек был провозглашен мерой вещей, когда он выделился из социума лично как самодостаточная, непреходящая ценность. Весь греческий божественный пантеон без исключения был ориентирован на человека. Божественная природа выражалась антропоморфно, через природу человеческую, обураваемую страстями и желаниями. Это было время торжества человеческой индивидуальности и демократизма, который не был повторен в дальнейшем, как и ордер. В Средневековье целенаправленное подавление индивидуально-личностного начала привело к определенному паритету в биполярной связке «божественное – человеческое», отразившееся в образе Христа-богочеловека. В Возрождение и далее паритет смещается в сторону усиления человеческого личностного начала, что отражено появлением гуманистической теории. Зримо и убедительно это просматривается в творчестве Микеланджело, в росписи Сикстинской капеллы, где «плотскость», телесность божественного совершенно очевидны. Энциклопедизм и эмпиризм усилили значимость человека в природной, социальной и божественной иерархии. Энциклопедизм дал основание поверить в безграничность возможностей человеческого мышления, воздействия и влияния человека на природные и социальные процессы, чем и оправдал попытки возвести его на высшую ступень иерархической пирамиды. Подобный своеобразный «антропоморфный эгоцентризм» привел к явлению, прежде не наблюдавшемуся – атеизму.

Однако человек, провозглашенный обществом венцом творения в иерархической видовой природной цепочке, высшим промыслом призван не на царствование миром, а в услужение ему. Главнейшая его миссия – в регулировании и сплачивании общества, в формировании вектора на гармонизацию и порядок. Отражение этого всеобщего универсального стремления – утопические программы и конструкции идеальных обществ, государств, городов на всем протяжении истории человеческого рода.

Теория происхождения видов – это суть проявление антропоморфного эгоцентризма, который, собственно, являлся базовой основой эмпиризма, подразумевавшего познание мира исключительно через природную, чувственную человеческую составляющую, чем умалялась и отвергалась его божественная природа. Космологические теории на протяжении тысячелетий также отражали подобную эгоцентричность, пока Коперник и Галилей не сделали прорыв в утверждении, что Земля есть центр мироздания.

Формирование и укрепление так называемого «человеческого фактора» многократно усилило влияние фактора глобальной, а в отдельных случаях и малой ошибки. Один из результатов глубокого проникновения, «просачивания» человеческого эго во все сферы социума, природной и рукотворной среды – выход за разумные рамки и границы «сожития», сотрудничества и сопартнерства. Это, в свою очередь, явилось основанием формирования и укрепления обратной связи, обратного действия – противодействия, противостояния. Чем более укреплялись позиции человеческого влияния, тем сложнее и организованнее становились создаваемые человеком системы, тем большие риски они приобретали, в том числе и более всего от человеческого фактора. «Предел разумных границ взаимопроникновения и паритета» – принцип, который со всей очевидностью работает как в архитектуре, так и в других сферах. Показательна трагическая история с «Титаником», ставшая следствием проблемы крупномасштабного объекта, когда гигантизм созданной человеком формы не был подкреплён соответствующими возможностями управления ею. В конечном итоге трагедия явилась результатом антропоморфического эго, уверовавшего в незыблемость и недосыгаемость вершин человеческого разума. Наиболее наглядны подобные истории в архитектуре как результат нарушения принципа подобия при изготовлении крупномасштабных форм. Возможно, храм Артемиды не был бы сожжен, если бы

доминирование не явилось превалирующей мотивацией в соперничестве с Парфеноном.

Перелом, начавшийся в прошлом веке, связан с радикальным усилением доминирования, рекламирования и демонстрирования человеческих возможностей и притязаний. Произошло перерождение антропоморфного принципа «человек – мера всех вещей» на обратный, ему зеркальный. На роль образца начинают претендовать созданные человеком его собственные творения, копии-заместители, влияние которых приобретает беспрецедентный характер, формируя определенные формы зависимости. Заместителями становятся продукты питания, предметы искусственного интеллекта (роботы, гаджеты и т. п.), виртуальное пространство как некое подобие мира, набирающее приоритет по отношению к реальному бытийному миру. Современные, востребованные сегодня слова-паразиты, выбиваясь из традиционных языковых форм, являются своеобразными показателями и отражателями деформаций традиционного общественного и социального порядка. Так, часто употребляемые выражения и слова, такие как «как бы», «типа» и «реальный», двусмысленные в своих двусмысленных значениях, однозначно и совершенно недвусмысленно отражают атектоничность человеческого мышления, восприятия и видения мира в целом, а также указывают на «крен» личностной самоидентификации человека в окружающем мире.

Живое человеческое общение и бытие размывается и обесценивается виртуальной неопределенностью, в то время как виртуальное пространство наполняется реальным жизненным смыслом, содержанием и особой значимостью. Виртуальная модель жизни, модель замещения – своеобразный эквивалент возмещения неудавшихся попыток малого человека проявить себя в конкретной бытийной жизни. Виртуальная жизнь свободна от прямой смерти и полного забвения даже для весьма посредственного, лично не проявившего себя индивида, поскольку оставляет реальный неуничтожаемый след в паутине мирового пространства, поэтому более привлекательна своей иллюзией бессмертия.

Современная, так называемая нелинейная архитектура, порвав с ордером, несмотря на радикальный взлом традиционных композиционных устоев, пока еще не в силах преодолеть ордерное тектоническое начало. Условия физического существования человека и продуктов его деятельности гравитационно обусловлены, что не может быть преодолено по определению. Новейшие технологии по факту их конструирования и создания человеком также несут в себе гравитационную составляющую, поэтому они однозначно не могут предоставить необходимые условия для создания чистой атектонической формы. Только в виртуальном пространстве или во вземном (космическом пространстве), в условиях «инакового» существования возможна организация иного порядка, освобожденного от ордерной детерминанты. Основания для подобного прорыва очевидны уже сегодня. Беспрецедентное развитие архитектурных форм вверх, небывалый отрыв их от земли, экспансия, захват, освоение верхних пространств, поддерживаемое современными техническими возможностями, – своеобразный и необходимый человеческий опыт для полного и окончательного выхода за гравитационные ограничительные рамки в процессе организации иных, вземных форм бытия человека.

Вместе с этим несовместимость антропоморфных метаморфоз человека с традиционными нормами миропорядка, еще более расшатывают его тектонические устои, усиливая крен современного общества. «...“Наклонные плоскости“ цивилизаций не всегда целиком отрицательны и бесплодны: они еще создают новое; они ставят перед человечеством новые, иногда более сложные проблемы. ... По мере того, как распадается цивилизация, которая была их естественной потребностью, их кислородом, по мере того как расшатываются верования, которые составляли их ежедневную пищу, эти общества – ибо они не хотят умирать – стараются найти новые методы мышления, создают новые миры поэзии или мудрости, придумывают – чем более они дряхлеют – все новые доводы для надежды и уверенности» [5, с. 16]. Наклонная поверхность, как известно, имеет два активных, равно и противоположно направленных пространственных вектора. Хочется надеяться, что балансировка современного мира происходит на верхней границе «наклонной плоскости», которая может стать необходимой высотой для нового восходящего

цивилизационного развития, в том числе и для архитектуры.

Библиография

1. Азизян, И.А. Теория композиции как поэтика архитектуры / И.А. Азизян, И.А. Добрицина, Г.С. Лебедева. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
2. Альберти, Л.-Б. Десять книг о зодчестве / Л.-Б. Альберти. – М.: Всесоюзная академия архитектуры, 1935.
3. Architectural theory. From the Renaissance to the present 89 essays on 117 treatises. – Köln: Taschen, 2011.
4. Бенем, Р. Взгляд на современную архитектуру. Эпоха мастеров / Р. Бенем. – М.: Стройиздат, 1980.
5. Боннер, Андреа. Греция цивилизация / Андреа Боннер. – М.: Искусство, 1992.
6. Буров, А.К. Об архитектуре / А.К. Буров. – М.: Госстройиздат, 1968.
7. Веслополова, Г.Н. Архитектурная деятельность, как основа формирования модели архитектора: автореф. дис. ... канд. арх. / Г.Н. Веслополова. – М., 1985.
8. Веслополова, Г.Н. Эkleктика как вектор архитектуры / Г.Н. Веслополова // Вестник Томского гос. архитектурно-строительного ун-та – Томск: ТГАСУ, 2012. Вып.3. – С. 65–73.
9. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994.
10. Лебедева, Г.С. От Витрувия к Альберти: от архитектуры к теории архитектуры / Г.С. Лебедева // Очерки истории теории архитектуры нового и новейшего времени. – СПб: Коло, 2008. – С. 35–60
11. Локтев, В.И. Барокко от Микеланджело до Гварини: учеб. пособие / В.И. Локтев. – М.: Архитектура-С, 2004.
12. Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1978.
13. Малахов, С.А. Закономерности формирования творческого замысла в творческой деятельности архитектора : дис. канд. ... архитектуры / С.А. Малахов. – М.: 1980
14. Михайловский, И.Б. Архитектурные формы античности / И.Б. Михайловский. – М.: Архитектура-С, 2004.
15. Мусатов, А.А. Архитектура античной Греции и античного Рима: учеб. пособие / А.А. Мусатов. – М.: Архитектура-С, 2004.
16. Нечаев, Н.Н. Проектное моделирование как творческая деятельность (Психологические основы высшего архитектурного образования): автореф. дис. ... докт. психол. наук / Н.Н. Нечаев. М.: 1987.
17. Ржехина, О.И. Андрей Константинович Буров / О.И. Ржехина, Р.Г. Буровой. – М.: Искусство, 1980.
18. Смолина, Н.И. Традиции симметрии в архитектуре / Н.И. Смолина. – М.: Стройиздат, 1990.

Произведение «Воплощение гармонического порядка», созданное автором по имени Веслополова Галина Николаевна, публикуется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Разрешения, выходящие за рамки данной лицензии, могут быть доступны на странице galina.veslopolova@yandex.ru.

Веслополова Галина Николаевна
кандидат архитектуры, профессор,
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
Пенза, Россия, e-mail: galina.veslopolova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.03.2015
Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2015_3/5
© Г.Н. Веслополова 2015
© УралГАХА 2015

EMBODIMENT OF A HARMONIOUS ORDER

Veslopolova Galina N.

PhD (Architecture), Professor,
 Penza State University of Architecture and Construction,
 Penza, Russia, e-mail: galina.veslopolova@yandex.ru

Abstract

Establishing order and being the guarantor of the reliability of structures created by him, the architect relied until recently on the anthropomorphic principle of similarity, which is most vividly embodied in the classical order. This fundamental centuries-long imperative of the profession is been called in question today. The extra-tectonic extra-order origins of life, another format of human life and of the individual are obvious signs of today. The possibilities of changing one's sex and appearance and new forms of reproductive activity change the personal and physiological profile. What we observe is the incompatibility of the anthropomorphic metamorphoses with the traditional norms of the world order, the tectonic foundations of which are being undermined. Proportioning as the architectural and universal law of organization is also losing its positions. The divine proportion which the world has been struggling to find since its creation is becoming the domain of history.

Key words

similarity principle, architectural order, Greek antique order tradition, canonical order, tectonic structure

References

1. Azizyan, I.A., Dobritsina, I.A., Lebedev, G.S. (2002) Theory of Composition as the Poetics of Architecture. Moscow: Progress-Traditsiya. (in Russian)
2. Alberti, L.-B. (1935) Ten Books on Architecture. Moscow: All-Union Academy of Architecture. (in Russian)
3. Architectural Theory. From the Renaissance to the Present: 89 Essays on 117 Treatises. Koln: Taschen, 2011.
4. Banham, R. (1980) A Personal View of Modern Architecture. Age of the Masters. Moscow: Stroyizdat. (in Russian)
5. André Bonnard. (1992) Greek Civilization. Moscow: Iskusstvo. (in Russian)
6. Burov, A.K. (1968) On Architecture. Moscow: Gosstroyizdat. (in Russian)
7. Veslopolova, G.N. (1985) Architectural Activity as a Basis for Developing the Model of an Architect. Summary of PhD Dissertation. Moscow. (in Russian)
8. Veslopolova, G.N. (2012) Eclecticism as a Vector of Architecture. Bulletin of Tomsk University of Architecture and Civil Engineering. Tomsk: TGASU. Issue 3. P. 65–73. (in Russian)
9. Kant, I. (1994) Critique of Pure Reason. Moscow: Mysl. (in Russian)
10. Lebedeva, G.S. (2008) From Vitruvius to Alberti: from Architecture to Architecture Theory. In: Essays on the History of Theory of Architecture of the Early Modern Period and Contemporaneity. Saint-Petersburg: Kolo. P. 35–60 (in Russian)
11. Loktev, V.I. (2004) Baroque from Michelangelo to Guarini. Moscow: Arkhitektura-S. (in Russian)
12. Losev, A.F. (1978) The Aesthetics of the Renaissance. Moscow: Mysl. (in Russian)
13. Malakhov, S.A. (1980) Patterns in the Emergence of a Creative Concept in the Creativity of an Architect. PhD dissertation (Architecture). Moscow (in Russian)
14. Mikhailovsky, I.B. (2004) Architectural Forms of the Antiquity. Moscow: Arkhitektura-S. (in Russian)
15. Musatov, A.A. (2004) The Architecture of Ancient Greece and Ancient Rome. Moscow: Arkhitektura-S. (in Russian)
16. Nechayev, N.N. (1987) Design Modelling as a Creative Activity (Psychological foundations of higher architectural education). Summary of Doctor of Science dissertation (Psychology). Moscow. (in Russian)
17. Rzhekhina, O.I. (1980) Andrey Konstantinovich Burov. Moscow: Iskusstvo. (in Russian)
18. Smolina, N.I. (1980) The Tradition of Symmetry in Architecture. Moscow: Stroyizdat. (in Russian)

Article submitted 05.03.2015

The online version of this article can be found at: http://archvuz.ru/2015_3/5

© G.N. Veslopolova 2015

© USAAA 2015